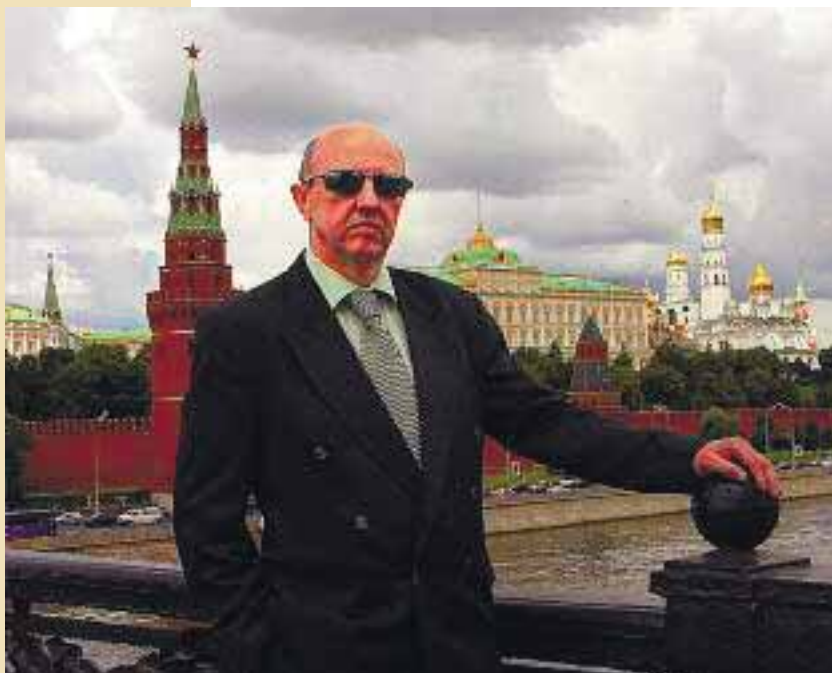

Андрей Ильич Фурсов –

директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета, академик International Academy of Sciences (Инсбрук, Австрия)

Как России выжить и победить в XXI веке?

I

Эволюция крупных сложных систем необратима, заметил как-то Александр Зиновьев. И действительно, пока системой не овладела воля к смерти и она не впала в процесс ничтоизации, мы можем анализировать настоящее и прогнозировать будущее такой системы, исходя из логики её исторического развития, исследуя её циклы, ритмы и регулярности. При этом, конечно же, надо помнить и о том, что Нассим Талеб называет «чёрными лебедями» (то есть о случайностях), и о влиянии внешних по отношению к системе факторов, например, мирового кризиса, или кризиса целого, способного обрушить свои элементы. Речь в данном случае идёт не о фиксации примата внешних факторов, а о другом.

Во-первых, в современном мире грань между внешними и внутренними факторами имеет пунктирный характер.

Во-вторых, в любом социуме с ограниченной субъектностью, с ограниченным суверенитетом роль и значение внешних факторов весьма велики. А РФ возникла и развивалась как именно такой социум.

В-третьих, в период разбалансировки (а именно в таком состоянии находится РФ) система избыточно открывается внешнему миру. В результате в ней начинают нарастать хаотические процессы, что ещё более усиливает разбалансировку. А это, в свою очередь, ещё более усиливает значение внешнего фактора (особенно если хаотизация носит целенаправленный характер). Дви-

Ни государства, ни политики в строго научном смысле этих терминов – за исключением периодов 1905–1918 и 1988–2001 годов – в Российской империи и в Советском Союзе не существовало: имела центральная верховная власть-автосубъект – центроверх.

Сальвадор Дали. Колосс Родосский. 1954

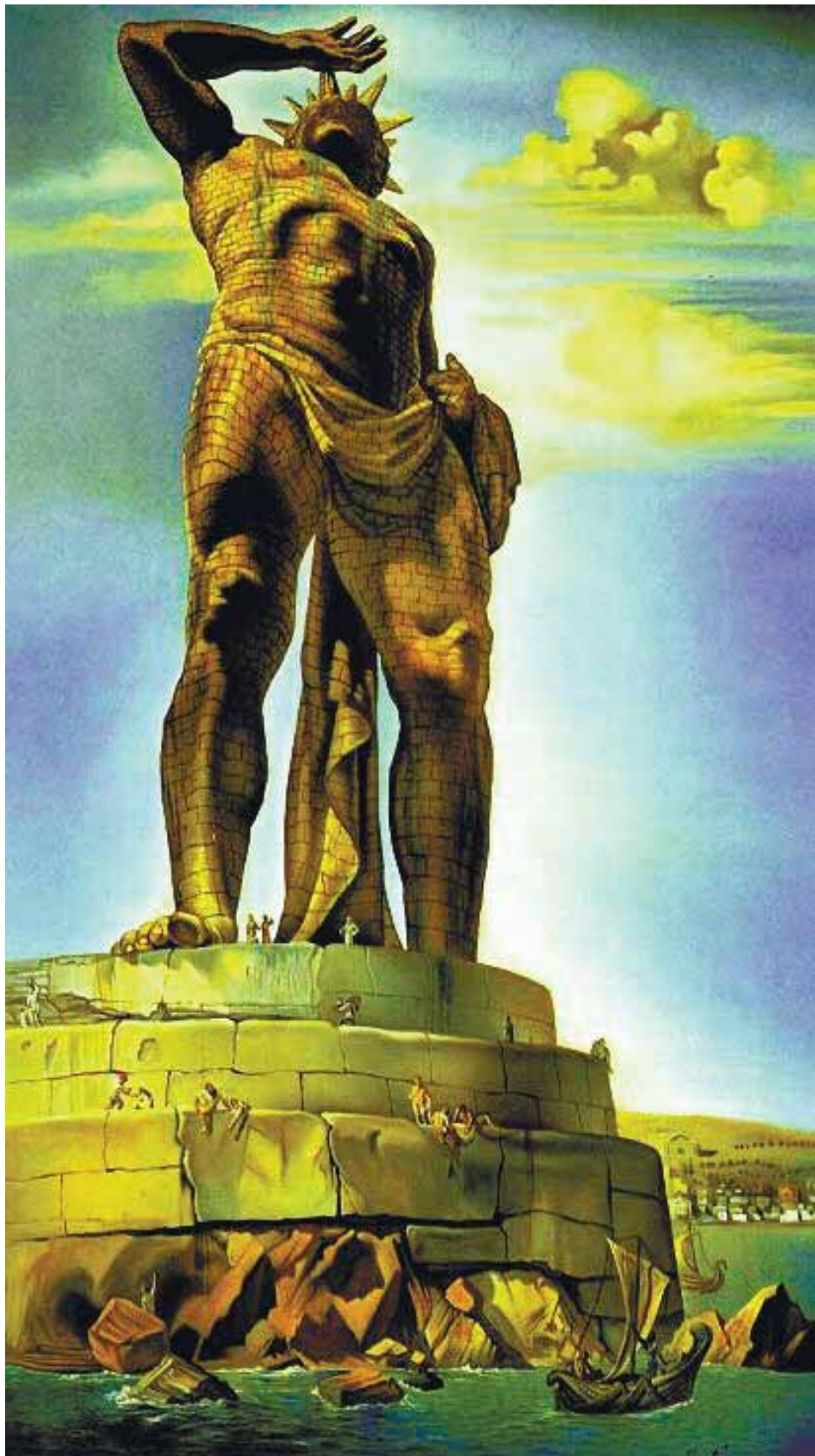
жение идёт по порочному замкнутому кругу.

Какие же следует выделить регулярности в истории России и её взаимодействии с Западом, с капиталистической системой? Какой в оптике этих регулярностей видится нынешняя ситуация в нашей стране? Какие, наконец, формы организации власти и общества способны вывести Россию из исторической ловушки?

II

Начнём с внутренних регулярностей, прежде всего с соотношения власти и собственности. Русская история представлена несколькими властными системами — Московским царством, Петербургской империей, пореформенной (1861—1917) и советской системами. Каждой соответствовала своя господствующая группа — боярство, дворянство, чиновничество и номенклатура. Все эти группы (за исключением четвёртой) были функциональными органами центральной власти — центроверха. (Я предпочитаю не применять термин «государство» к Российской империи и к Советскому Союзу — ни государства, ни политики в строго научном смысле этих терминов — за исключением периодов 1905—1918 и 1988—2001 годов — здесь не существовало: имелась центральная верховная власть-автосубъект — центроверх.) Центроверх их создавал, а затем ослаблял или даже уничтожал — во властном плане. Номенклатура — особый случай, это воплощение чистой власти (власти-самой-для-себя), создавшей саму себя и на себя опиравшейся, то есть кратократия.

Если сравнивать эти привластные группы по их численности, то каждая последующая группа превосходит предыдущую: дворяне — бояр, пореформенные чиновники — дворян, номенклатура со слоя-

ми-прилипалими — чиновников. При взгляде с точки зрения этой регулярности на РФ выходит, что по линии увеличения численности представителей властных групп прежняя логика продолжается — чиновников на душу населения в РФ больше, чем в СССР.

При сопоставлении господствующих групп по линии собственности получается иная картина: каждая последующая группа (речь идет о среднем представителе) обладала меньшей собственностью. У дворян ее было меньше, чем у бояр. У пореформенных чиновников, которые, по сути, были салиариятом (то есть общностью, сидевшей на жалованье, — от salary, *англ.*), — меньше, чем у дворян. Номенклатура вообще не имела собственности на вещественные факторы производства (вещественную субстанцию) и являлась персонификатором власти, «очистившейся», «освободившейся» от собственности. Разумеется, собственность, с одной стороны, и богатство, достаток, с другой стороны, — «вещи», далеко не всегда совпадающие. Однако в целом можно зафиксировать следующие две регулярности развития систем в русской истории с середины XVI века.

Первая. Численность господствующих групп, их доля в населении увеличивались от системы к системе.

Вторая. Собственность, находившаяся в руках представителей господствующих групп (в рамках доминировавшего уклада) уменьшалась от системы к системе. Кроме того, в целом можно говорить об обеднении этих групп (по крайней мере, при сопоставлении эквивалентно-сравнимых уровней властных пирамид различных систем).

Другой тип логики я условно называю «подморожение—от-

таивание». Суть тут в следующем. История всех систем власти в России начиналась с закрепощения (на службу) властью всех слоёв общества. Затем власть постепенно опускала слой за слоем сверху вниз. Конечным пунктом процесса становилась смута. Закрепостив в 1649 году все слои населения (а не только крестьян) на службу, власть 18 февраля 1762 года отпустила дворян, позволив им не служить. А на следующий день — 19 февраля, но через 99 лет, в 1861 году, — крестьян. В итоге Россия вползла в новую смуту (её вехи: убийство Александра II, подъём революционного движения, революции 1905 и 1917 годов, гражданская война, нэп).

В 1929–1933 годах закрепощением опять же всех слоёв — от крестьян до номенклатуры и совинтеллигенции, которую «приписали» к различным «творческим» союзам, — власть вывела страну из смуты. В 1953–1956-м номенклатура «отпустила» саму себя, а в 1987–1988-м — население в целом. И началась новая смута — вялотекущая и дисперсная, в отличие от первых двух, и развивавшаяся на фоне процесса воспроизводства разложения позднесоветского общества, утилизации его активов узкой группой, тесно связанной с иностранным капиталом.

Пока идёт передел, в новом закрепощении в том или ином его виде нужды нет: людям дали свободу — свободу выживать или вымирать (это называется «адаптация к условиям рынка»). Когда численность населения опять обретёт значение, скорее всего, будет сделана попытка нового закрепощения в сверхсовременной технической форме (ципизация и т.п.).

Послесоветское двадцатилетие совпало с ещё одной фазой русской истории — фазой, связанной с той логикой разви-

тия, которая определяется особенностями создания общественного продукта в природно-хозяйственных и исторических условиях и которая на уровне власти транслируется в соотношение «единодержавие—олигархизация». Как показали исследования Леонида Милова и его школы, русское хозяйство (из-за низкой урожайности, которая в Центральной России практически не выросла за целое тысячелетие — до второй трети XX века) создавало небольшой по объёму общественный продукт. Это имело два последствия.

Во-первых, чтобы увеличить доход, русскому мужику приходилось активно заниматься неземледельческими видами труда.

Во-вторых, сохранявшаяся на одном и том же уровне урожайность, а следовательно, объём и уровень общественного продукта, обуславливали спокойно-постепенный темп эволюции. В результате в определённые моменты развития, как правило, связанные с качественным изменением в состоянии мировой системы, в которую включалась Россия, и как следствие — с усилением давления со стороны Запада, были необходимы компенсирующе-нагоняющие рывки, безжалостно рвавшие социальную ткань по принципу «отречёмся от старого мира, отряхнём его прах с наших ног». Пётр I (перестройка мир-системы в связи с завершением голландского цикла накопления капитала), большевики (завершение британского цикла накопления) и в более мягкой форме — реформы 1860-х — первой половины 1870-х годов (превращение европейской мир-системы в мировую систему капитализма в «длинные 50-е» — 1848–1867/73 годы). В периоды рывков резко усиливалось западное влияние — вплоть до деформации развития социума: явно — его внеш-

них форм, в значительной степени сущностно — верхов.

Из-за стабильно невысокого объёма и уровня общественно-го продукта одной из главных задач центральной власти (центроверха) в России было ограничение, сдерживание социально-экономических appetитов всех социальных групп, прежде всего верхних. В наших природно-исторических условиях это было единственно возможной, хотя и не всегда законной и эффективной, защитой интересов средних и нижних слоёв общества, а отчасти и населения в целом. Центроверх тем самым решал двойную задачу.

Во-первых, сохранял хрупкий — вследствие низкого уровня избыточного продукта — социальный баланс (то есть, помимо прочего, обеспечивал господство долгосрочных ин-

Номенклатура вообще не имела собственности на вещественные факторы производства (вещественную субстанцию) и являлась персонификатором власти, «очистившейся», «освободившейся» от собственности.

тересов самих же господствующих групп как функциональных органов центроверха над среднесрочными, а среднесрочных — над краткосрочными).

Во-вторых, препятствовал олигархизации власти. Сохраняя имманентные качества русской власти, только союз с серединой и низами господствующих групп и минимальная защита населения (Иван Солоневич не вполне удачно назвал это «народной монархией») гарантировали самосохранение, самовоспроизводство и саморазвитие русской власти со всеми её характеристиками. Нарушение союза/контракта в конечном счёте

рушило эту власть, торжествовало курс на сверхпотребление, сверхэксплуатацию, социальную безответственность верхов, когда в центре оказывались не просто краткосрочные, а сиюминутные цели.

В результате социальной перспективы лишалась сначала часть общества, а затем и общество — система — в целом. И это прекрасно понималось или, по крайней мере, чувствовалось обществом. Именно социально-историческим прагматизмом, а не якобы рабским характером русского народа или его нелюбовью к свободе обусловлена поддержка широкими слоями населения, прежде всего его активной се-

В 1929–1933 годах закрепощением опять же всех слоёв – от крестьян до номенклатуры и совинтеллигенции, которую «приписали» к различным «творческим» союзам, – власть вывела страну из смуты. В 1953–1956-м номенклатура «отпустила» саму себя.

редины, центральной власти, самодержавия против попыток олигархизации последнего как боярской, так и дворянской верхушками.

Власть в России (будь то самодержавие или коммунизм) всегда была по определению прежде всего механизмом учёта и контроля, системного самоограничения социума, существовавшего в суровых природно-климатических и непростых геоисторических условиях. В этих условиях олигархизация власти с неизбежностью вела к превращению определённой части господствующих групп в нечто похожее на классы западного типа – капиталистического или позднефеодального. Мутация такого рода вела Россию к социальной катастрофе.

Возникновение и развитие в России на основе её «системы работ» (Карл Маркс) западopodobных классов, начинающих жить потребностями, характерными для иной «системы работ», возможно только на основе отчуждения у населения не только прибавочного продукта, но и значительной части необходимого, а следовательно, любая западнизация, любое западopodobие России означают регресс системы русской жизни, её разложение и волю к смерти, деградацию населения. Основанный на опыте инстинкт подсказывал: олигархизация власти – обратная сторона начала отчуждения верхами части необходимого продукта (и наоборот), превращения верхов в такой классовый (западо-

подобный) напор, горб, который данная система, не надломившись, вынести не сможет. Западopodobные реформы (и формы – рынок, политика, гражданское общество) – это, как правило, показатель упадка власти в России. То, что в североатлантическом ядре капсистемы есть прогресс, у нас – регресс.

До середины XIX века на пути русской власти в её самодержавном варианте к олигархизации и к превращению верхов в «их западподобие», помимо ограничений сверху и снизу, имелось ещё одно серьёзное препятствие: отсутствие реального механизма экономической эксплуатации – механизма, который обеспечил бы для неё экономическую базу. Реформы 1860-х годов, а затем иностранный капитал, прежде всего финансовый, а также мировой рынок, в который включилась Россия, впервые в её истории обеспечили такой механизм. А поскольку разви-

тие капиталистических форм в России шло главным образом сверху, это не могло не «экономизировать» — а следовательно, олигархизировать — саму власть. Устояв против боярско-дворянских олигархий, власть начала олигархизироваться-гнить изнутри, и это стало одной из самых главных причин её гибели.

Процесс этот привёл к тому, что олигархизировавшаяся власть, по сути, вступила в союз с верхушкой и значительной частью середины общества против «остального» населения. Экономический разрыв между двумя этими «зонами» стал стремительно расти. Внешне, а отчасти и по сути это воспроизвело западоподобную классовую ситуацию, причём в уродливой форме. Развитие капиталистических форм в России и олигархизация власти — две стороны одного процесса.

Второй раз в русской истории центроверх нарушил «правило

В 1987–1988-м началась новая смута – вялотекущая и дисперсная, в отличие от первых двух, и развивавшаяся на фоне процесса воспроизводства разложения позднесоветского общества, утилизации его активов узкой группой, тесно связанной с иностранным капиталом.

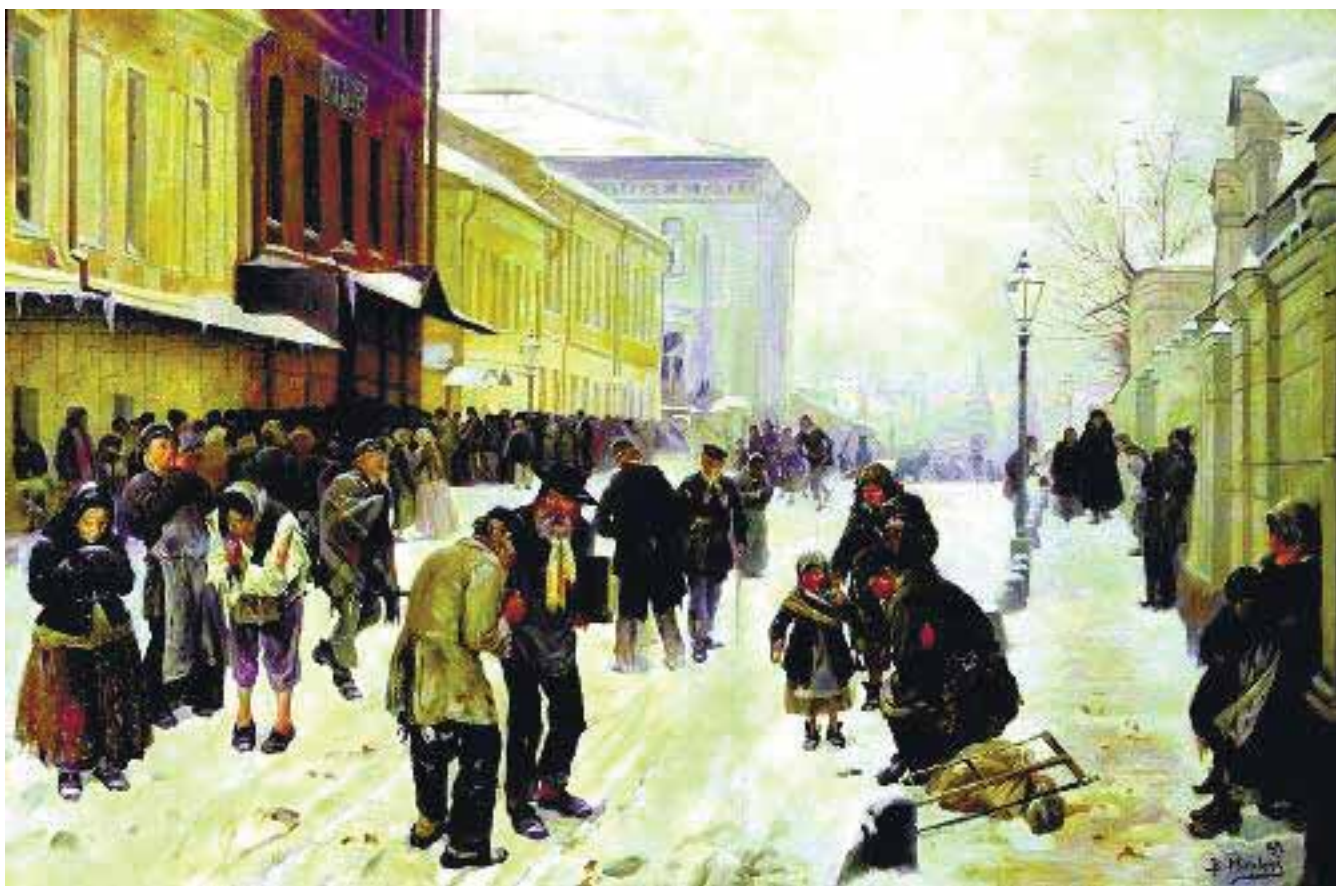
русской власти № 1» — учёт и контроль над верхами — в 1980-е и особенно в 1990-е годы. Тогда определённая часть номенклатуры (а также часть теневиков и криминалитета) превратилась в класс собственников, произошла почти полная олигархизация, а в значительной степени и криминализация власти, и последняя начала не просто эксплуатировать, а грабить население (ельцинщина), способствуя уходу на тот свет каждый год по миллиону человек.

Бесконтрольные (то есть не учитывавшие возможностей системы, недостатка в ней вещественной субстанции) потребление верхов и эксплуатация им населения создавали предпосылки для кризисов,

которые заинтересованные силы (в том числе и за кордоном) превращали в смуты и революции (1905, 1917 годы). Судьбоносные повороты и моменты в русской истории происходили именно тогда, когда проедалась вещественная субстанция, истощалось наследие (прежде всего материальное) предыдущей эпохи и вставал вопрос: за чей счёт будет произведён рывок в будущее, в чьих интересах — общенациональных или узкоклассовых? Вслед за этим возникала задача большого передела с ленинским вопросом «кто — кого» — Дилемма Великого Передела. Таких моментов было два — в 1560-е и в 1920-е годы.

Первый случай. Когда было проедено наследие удельно-

Владимир Маковский. Ночлежники. 1889

Реформы 1860-х годов, а затем иностранный капитал, прежде всего финансовый, а также мировой рынок, в который включилась Россия, впервые в её истории обеспечили механизм экономической эксплуатации.

ордынской Руси (прежде всего исчерпан земельный фонд для раздачи поместий), власть посредством опричнины создала самодержавие — новую, центрально («государственно») ориентированную форму власти, ограничивавшую аппетиты тогдашних «олигархов» из нескольких десятков кланов Рюриковичей и Гедиминовичей.

Второй случай — это ликвидация группой Сталина уродливой рыночно-административной системы нэпа (треугольника «комначальник — руководитель треста — нэпман в качестве барыги») в конце 1920-х годов, когда стало ясно, что дореволюционное наследие проедено и впереди — олигархизация комвласти на коррупционной основе, сырьевая

ориентация экономики, финансовая и политическая зависимость от Запада. То есть весь набор постсоветских «прелестей».

Выбор группы Иосифа Грозного, как и Ивана Грозного, совпал с общенациональными задачами страны. Сегодня Россия в третий раз подходит к судьбоносной для себя Дилемме Великого Передела. К середине 2010-х годов будет проедено советское наследие (акkurat к 100-летию Октября). Мы оказываемся у третьей развилки нашей истории. Выбор невелик — либо национальный, либо криминально-плутократический (с распадом страны, криминально-клановыми войнами, неоха-зари-ями и неоордами, установлением полного внешнего

управления) варианты развития. Иными словами, дальнейшее развитие РФ может пойти одним из двух путей.

Либо центральная власть будет решать общесистемные проблемы за счёт экспроприации и депривации населения, что чревато взрывом и распадом страны.

Либо за счёт экспроприации огромного паразитического слоя коррумпированных чиновников и плутократов. Это, в свою очередь, чревато внутриэлитной войной с под-ключением к ней криминала и этнократий внутри страны и внешних сил.

III

Логика русской истории не исчерпывается внутренними регулярностями. Есть регулярности, обусловленные ещё двумя факторами.

Во-первых, взаимодействием России и Запада, а точнее — волн русской истории, истории русских систем с цикла-

Борис Кустодиев. В ложе. 1909

ми/волнами капиталистической системы.

Во-вторых, функционированием России в качестве элемента мирового целого (мир-системы, мировой системы, глобальной системы).

В истории капиталистической системы было три цикла накопления капитала — голландский, британский и американский. И соответственно три гегемонии — Нидерландов, Великобритании и США. Удивительным образом им соответствуют три цикла накопления власти (главной субстанции русской истории, играющей в ней роль, аналогичную роли капитала в истории Запада) в России — московский, петербургский и советский. Окончание одного

Развитие капиталистических форм в России шло главным образом сверху, это не могло не «экономизировать» — а следовательно, олигархизировать — саму власть, которая начала олигархизироваться-гнить изнутри, и это стало одной из самых главных причин её гибели.

цикла на Западе и начало другого сопровождалось мировыми войнами за гегемонию. В этих войнах именно Россия — начиная с наполеоновских войн (последний раунд британско-французской мировой войны) и заканчивая Второй мировой (внешне — англосаксонско-германская война за мировую гегемонию, скрытой сутью которой было американо-британское соперничество; при этом СССР бился вместе с англосаксами против немцев, а во внутри-

англосаксонской борьбе действовал с США против Великобритании) — играла решающую роль в определении победителя.

Что касается логики взаимодействия России с крупными геоэкономическими целостностями, то здесь картина следующая. С середины XV века (ослабление хватки Орды) до середины XIX века (Крымская война) Россия была особой, отдельной от других мир-системой. В «длинные 50-е» XIX века европейская мир-

Кадр из фильма «Олигарх» режиссёра Павла Лунгина. 2002

В 1980-е и особенно в 1990-е годы определённая часть номенклатуры (а также часть теневиков и криминалитета) превратилась в класс собственников, произошла почти полная олигархизация, а в значительной степени и криминализация власти.

система превратилась в мировую систему — единственную. На момент начала этого превращения сохранялись ещё две мир-системы — русская и китайская. Совпадение по времени Крымской и Второй «опиумной» войн неслучайно: цель — уничтожить существовавшие на тот момент целостности как мир-системы. Англо-французским агрессорам — западному ядру мировой системы — не удалось загнать Россию в границы начала XVII века и превратить Китай в колонию, однако мир-системами Россия и Китай быть перестали и начали превращаться в элементы мировой системы: Цинская империя — в полуколониальный, а Россия — в финансово-зависимый при сохранении великодержавного европейского статуса. В

этом и заключалось противоречие той модели развития России, которая, фиксируя способ включённости России в мировую систему, просуществовала с 1860—1870-х до рубежа 1920—1930-х годов. Условно я называю её «моделью Александра II» (а также моделью «белой», или «трёхцветной» империи). Именно в его царствование был заложен её фундамент, именно из-за его политики в 1860—1870-е годы она стала необратимой (при сохранении самодержавного строя), и если Александр III пытался, иногда не без успеха, затормозить её действие, то при Николае II инерция взяла своё и она реализовалась полностью, приведя к революциям 1905 и 1917 годов, к войне на стороне Антанты, к крушению самодержавия и са-

мой «модели Александра II». И это тоже неслучайно.

Объективно указанная модель предполагала нарастающее проникновение иностранного капитала, занятие им важнейших позиций внутри страны, усиление финансовой зависимости страны и её хозяйства от западного капитала и как следствие — ослабление внешнеполитических позиций и даже ограничение суверенитета, международной субъектности. Я уже не говорю о формировании западоподобных (западоидных) господствующих групп с соответствующим образом жизни и об обнищании широких масс. Налицо были также рост социально-экономической поляризации, нарастание социальной напряжённости и политической нестабильности. Результат — революция, распад страны, гражданская война. Руками большевиков русская история подписала приговор «модели Александра II», «модели белой империи», сутью которой

Константин Маковский. Поцелуйный обряд (пир у боярина Морозова). 1895

была, помимо прочего, утрата имперскости. «Девятнадцатый век, — отмечал Михаил Меньшиков, — следует считать столетием постепенного и в конце тревожно-быстрого упадка благосостояния в России». И далее он подчёркивал, что если не произойдёт какой-либо «смены энергий», страна будет разорена и попадёт в плен к западному капиталу. «Смена энергий» произошла — в виде революции, в ходе которой интернационал-социалистическую фазу и стратегию (1917–1927/29 годы) сменила импер-социалистическая (1927/29–1939 годы). Победа последней стала фундаментом иной модели развития России.

Другая — а точнее, альтернативная — модель развития России в мире: Россия не элемент мировой системы, а альтернативная мировая система, антисистема по отношению к капиталистической, системный антикапитализм. Эта

Бесконтрольное потребление верхов и эксплуатация им населения создавали предпосылки для кризисов, которые заинтересованные силы (в том числе и за кордоном) превращали в смуты и революции (1905, 1917 годы).

модель, которую условно можно назвать «сталинской», или моделью «красной империи», возможна только на основе технико-экономической и финансовой независимости от капиталистического мира. А следовательно, на основе мощного военно-промышленного комплекса (ВПК), значительной автаркии по отношению к внешнему миру, мобилизационной экономики, высокой степени контроля центральной власти над верхами (вплоть до сферы потребления) и населением в целом. Результат реализации этой модели — восстановление великодержавного статуса России в виде СССР, биполярный (ялтинский) мир, второе место СССР в мировой экономике, прогресс в науке, технике и

структурах повседневности (в том числе такой абсолютный рекорд как смертность 6 промилле в 1960-е годы).

Со второй половины 1950-х годов началась эрозия этой системы. Изменение типа её отношений с мировой капиталистической системой стало интегральным элементом такой эрозии. Советская номенклатура решила интегрировать СССР в мировой рынок. Отчасти это было связано со стремлением включиться в западную систему потребления, отчасти с тем, что благодаря экономическим успехам 1950-х годов советская верхушка приобрела уверенность в том, что сможет победить Запад на его поле — на мировом рынке, действующем по законам капитализма. С середины 1950-х годов

Павел Рыженко. Малюта. 2006

Когда было проедено наследие удельно-ордынской Руси, власть посредством опричнины создала самодержавие — новую, центрально («государственно») ориентированную форму власти, ограничивавшую аппетиты тогдашних «олигархов» из нескольких десятков кланов.

СССР резко активизировал продажу нефти. Сначала — по политическим причинам (удар Хрущёва по «реакционным арабским режимам» по совету Насера), однако довольно скоро главную роль стали играть экономические интересы определённых сегментов номенклатуры, тем более что технико-экономический прогресс СССР в мирном секторе стал замедляться и СССР стал предлагать на мировом рынке главным образом сырьё — нефть и газ. В ещё большей степени этот процесс подстегнули кризис 1973 года («нефтяной шок») и рост цен на нефть.

В результате страна стала постепенно превращаться в сырьевой придаток Запада, усиливалась финансовая зависимость от него. То есть СССР «выруливал» к «модели Александра II», что объективно противоречило и состоянию антисистемы, и великодержавному статусу. В реальной истории это противоречие разрешилось крушением советского коммунизма, уничтожением СССР и возвращением русского мира на новом витке истории к «модели Александра II».

На рубеже 1970–1980-х годов, с началом неолиберальной контрреволюции, на Западе стартовал процесс реальной глобализации. Необходимым условием её дальнейшего развития (а также решения ряда опасных для капсистемы проблем) стали ликвидация системного антикапитализма, разрушение СССР и устранение русского очага мирового развития. РФ как самый крупный осколок СССР оказалась элементом возникшей (в том числе и на костях СССР) глобальной системы, причём элементом финансово-зависимым, специализирующимся на поставках сырья, а следовательно, имеющим ограниченный суверенитет.

Таким образом, на рубеже XX–XXI веков Россия воспроизвела «модель Александра II» эпохи «водораздела» (1870–1920-е годы), только в более жёсткой форме и в значительно менее благоприятных геополитических условиях для сохранения великодержавного статуса. Эпоха «водораздела» была борьбой за гегемонию в капсистеме, эпохой противостояния двух державных блоков. Запад не был един, и это создавало пространство для манёвра Александру III, Николаю II, а позднее — Сталину. На рубеже XX–XXI веков Запад выступает единым блоком во главе с США — единственной сверхдержавой. Иными словами, перед Россией, как и на рубеже XIX–XX веков, та же дилемма.

Либо отказ от сырьевой ориентации, обретение полного суверенитета и восстановление великодержавного статуса путём того, что Меньшиков назвал «сменой энергий».

Либо углубление сырьевой специализации, усиление финансово-политической зависимости, утрата суверенитета и раздел страны хищниками и чужими. Отложить на небольшое время разрешение дилеммы позволяет наличие двух факторов — ядерного оружия и сохраняющегося советского человеческого материала.

Таким образом, в русской истории последних столетий чётко выделяются чередующиеся типы/фазы развития:

- ♦ самостоятельная мир-система (1450–1850 годы);
- ♦ зависимый элемент мировой системы капитализма (1860–1920-е годы);
- ♦ самостоятельная мировая система социализма (системного антикапитализма) (1930–1980-е годы);
- ♦ зависимый элемент глобальной системы (1990-е — начало 2010-х годов).

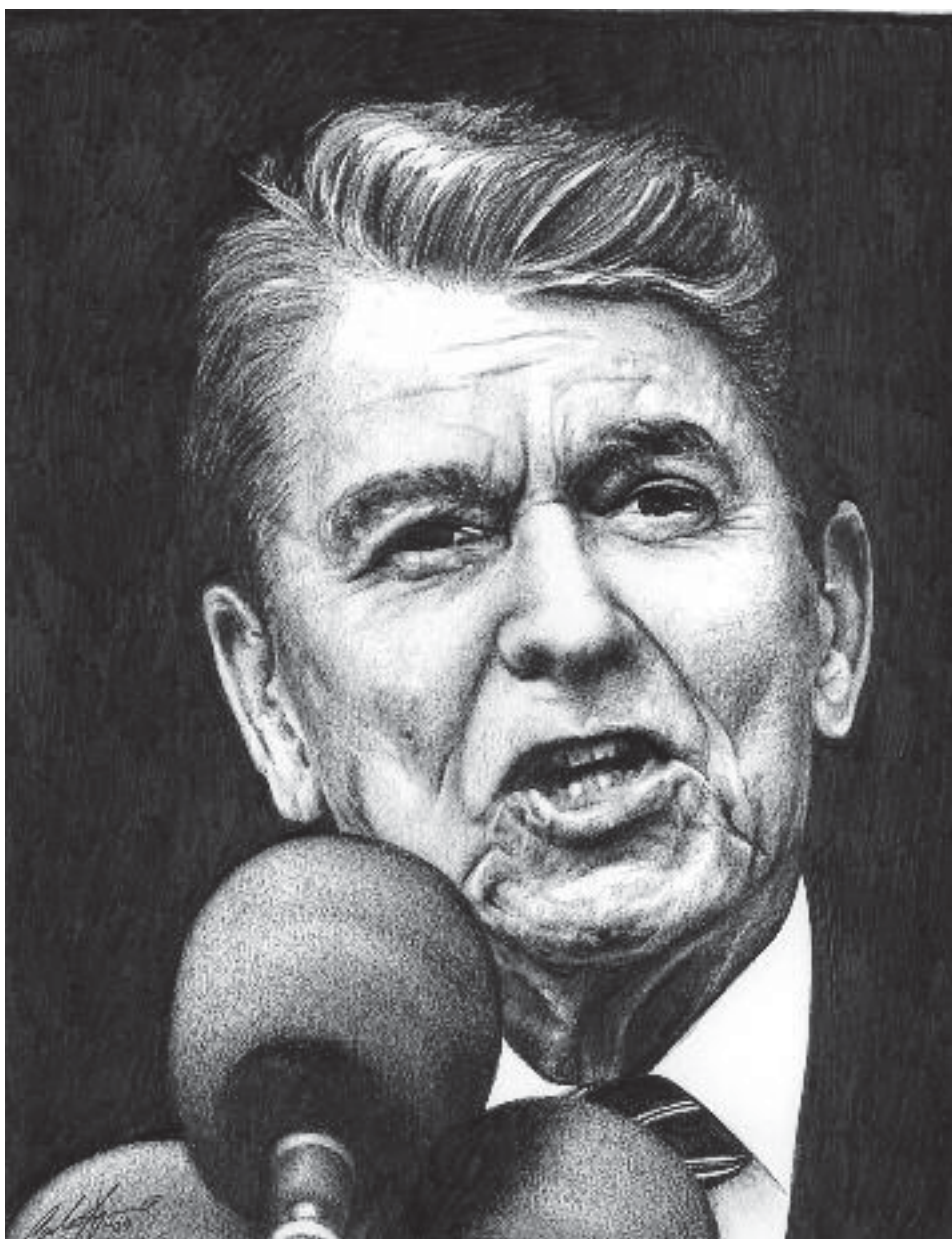

«Сталинская» модель — это мощный военно-промышленный комплекс, значительная автаркия по отношению к внешнему миру, мобилизационная экономика, высокая степень контроля центральной власти над верхами и населением в целом.

IV

Существует интересная корреляция между внутренними и внешними типами/фазами развития России. Так, фазы

русской истории, в которые она выступает зависимым элементом более крупных систем — мировой и глобальной, элементом мирового и глобально-

На рубеже 1970–1980-х годов, с началом неолиберальной контрреволюции, на Западе стартовал процесс реальной глобализации, для которой требовались ликвидация системного антикапитализма, разрушение СССР и устранение русского очага мирового развития.

го рынка, характеризуются резким усилением эксплуатации населения «трёхглавым драконом» — Змеем Горынычем: властью, местным капиталом и иностранным (западным) капиталом. А как мы помним, западнизация верхов в России всегда осуществлялась за счёт отчуждения у низов не только прибавочного продукта, но и части не-

обходимого, что означало социальный регресс. И это естественно. В обществе с сильной хозяйственной основой (природа — географический фактор и производительные силы — и производство) усиление эксплуатации способно стать фактором прогресса в некоей временной перспективе. В социуме со слабой хозяйственной основой это ведёт к ре-

грессу низов и одновременно к деградации верхов, к разложению власти (центров верха), то есть к упадку и гибели системы в целом. В фазы, о которых идёт речь, не просто наблюдается прогрессирующее ослабление власти, но происходят её олигархизация и разложение.

Фазы функционирования России в качестве зависимого элемента мировых систем совпадают со смутами и революциями в России или, как минимум, с предсмутным временем. Усиление эксплуатации истощает возможности социума, создающего невеликий по объёму и уровню общественный продукт, транжирит материальный потенциал системы; идёт проедание наследия предшествующей эпохи, отсюда — кризисные явления, смута (вялотекущая или переходящая в революцию) и возникновение Дилеммы Великого Передела (1565, 1929 годы).

Включение России в мировую систему в качестве зависимого элемента оба раза происходило в условиях не только русского, но и мирового кризиса, его нарастания, что ещё более углубляло, расширяло и ускоряло российский кризис, обостряя обнажённые им противоречия. В то же время именно ситуация мировых кризисов позволяла России высказывать из исторических ловушек, создавать новую систему, на основе которой выходить на новый виток развития.

Так, после Смуты начала XVII века Россию можно было брать голыми руками, однако бушевавшая в Европе с 1618 по 1648 годы Тридцатилетняя война обеспечила русским время для вдоха, а самодержавию — *locus standi* (точка опоры, место, где можно стоять, лат.) и *field of employment* (поле деятельности, англ.).

После петровских реформ, которые проводились в режиме

почти погрома и которые были квазисмутой, инициированной частью верхов, Россия находилась в тяжелейшем положении. Однако европейские войны за различные «наследства» отвели угрозу на несколько десятилетий, а к концу 1750-х годов Россия уже опять окрепла и могла бить Фридриха II.

После гражданской войны у экономически разрушенной России не было боеспособной армии. Но клубок противоречий 1920—1930-х годов на Западе — между англосаксами и немцами, между американцами и британцами, между Рокфеллерами и Ротшильдами, а также рукотворный кризис 1929—1933 годов — позволил Сталину и стоявшим за ними силам использовать эти противоречия, разгромить ле-

Судя по всему, «водяное перемирие» между закрытыми (тайными) обществами, длившееся несколько веков, закончилось, а с ним — и время молчания, Силанума. «Следов» немало: это и арест Стросс-Кана, и уничтожение Каддафи, и многое другое.

вых глобалистов — адептов мировой революции — и начать «строительство социализма в одной, отдельно взятой стране». То есть реализовать проект «красной империи» на основе системного антикапитализма.

В 2010-е годы мир стремительно движется к небывалому кризису, который способен разрушить Россию, но может и предоставить ей шанс выскочить из исторической ловушки, как это уже случилось. Для этого, конечно же, нужны политическая воля и понимание природы грядущего кризиса и его перспектив.

V

Мир вот-вот накроет волна финансово-экономического кризиса огромной разрушительной силы. На Ближнем Востоке, по сути, уже идёт война, которая грозит превратиться, как минимум, в региональную, но не исключён и максимум. Ширится зона военного хаоса в Африке, откуда приходят страшноватые вести об армиях людоедов, воюющих холодным оружием и повергающих в ужас население тех мест, по которым они прокатываются. Меняется климат, причём в неблагоприятном для *homo sapiens* на-

Вся мировая история с 1880-х годов вращается вокруг оси «борьба за североевразийское пространство», «борьба за русские ресурсы – против России». Субъектом этой борьбы выступали англосаксы.

правления. Да и сам человек добавляет кое-что от себя, используя сейсмическое оружие, запуская невиданные и неуничтожимые бактерии, способные перестроить пищевые цепи мирового океана так, что мало не покажется. Обострились все мыслимые противоречия между:

- ♦ глобализацией и деглобализацией (распад мира на макрорегионы);
- ♦ сохраняющейся неолиберальной стратегией развития и набирающим мощь антилиберальным курсом;
- ♦ госбюрократиями и финансовым капиталом (дёргающим за ниточки наднациональные бюрократии);
- ♦ кластерами Ротшильдов и Рокфеллеров (несмотря на символическое создание ими «общака» в этом году);

♦ Соединёнными Штатами и Китаем (а внутри этих стран – между различными кланами: в США, например, кланы, выдвинувшие Обаму, и их противники, в КНР – пекинский и шанхайский кланы). Наконец, последнее по счёту, но не по значению – противоречие (точнее, противоречия) между выходящими в связи с остротой кризиса из тени и так или иначе заявляющими о себе закрытыми (тайными) обществами. Судя по всему, «водяное перемирие» между ними, длившееся несколько веков, закончилось, а с ним – и время молчания, Силанума. «Следов» немало (следы всегда остаются – «кто не слеп, тот видит», как говаривал Лаврентий Берия): это и арест Стросс-Кана, и уничтожение Каддафи, и многое другое.

В ближайшие годы мы столкнёмся с волновым резонансом кризисов – военного, финансово-экономического и природно-климатического. Под последним я имею в виду затухание Гольфстрима и очередную (раз в 11,5–12,5 тысячелетия) перестройку планеты длительностью в 2,5 века (XX – первая половина XXII веков, активная фаза: конец 1990-х – первая половина 2030-х годов).

Природно-климатический кризис (многие специалисты говорят даже об угрозе геоклиматической и геофизической катастрофы) накладывается на финансово-экономический кризис, который на самом деле есть проявление системного кризиса капитализма.

Из кризиса всегда выходят за чей-то счёт. Вот и сейчас североатлантические властные элиты планируют выйти из кризиса за счёт остального мира и

Павел Рыженко. Прощание Государя с войсками. 2004

прежде всего за счёт Северной Евразии, то есть России — её богатств, её пространств, её населения. Это может стать логическим завершением тенденций развития капиталистической системы с третьей четверти XIX века.

Здесь мы подходим к очень важному аспекту русского и мирового развития, без анализа которого мы мало что поймём и в прошлом и в настоящем. Суть в том, что в 1880—1890-е годы стартовала антироссийская фаза в истории капиталистической системы. Одновременно произошло качественное изменение в организации и внутренней борьбе наднациональных структур мирового управления — изменение, связанное с русским и германским вопросами.

К концу XIX века мир почти полностью поделили — свободных ресурсных территорий практически не осталось. Единственной огромной тер-

Политический проигрыш России Западу в конце XIX — начале XX веков связан далеко не только с экономикой. Прежде всего и главным образом Россия проиграла в схватке элит, точнее, в организации правящих групп.

риторией с почти неосвоенными неисчислимыми богатствами (источник сырья) и огромным населением (потенциальный рынок сбыта) оставалась Россия. Она же представлялась западным верхушкам — особенно после поражения в Крымской войне, не очень умелой войны 1877—1878 годов и сдачи российскими дипломатами позиций блефующим британцам на Берлинском конгрессе 1878 года — достаточно слабой, чтобы поддаться давлению. Можно сказать, что вся мировая история с 1880-х годов и до наших дней вращается вокруг оси «борьба за североазиатское пространство», «борьба за русские ресурсы — против России». Субъектом этой борьбы выступали англосаксы —

сначала британцы, к которым довольно быстро присоединились «кузены» — американцы. С точки зрения Запада как единого финансово-политического целого, как ядра мировой капиталистической системы, по сути, вся история такой борьбы с 1880—1890-х годов имеет наступательный антироссийский, антирусский характер. Здесь следует выделить три этапа.

Первый — 1880—1920-е годы. Борьба велась с экономическими и геополитическими целями: установление экономического контроля над русскими ресурсами, ослабление России. Программа-максимум — раздел России на сферы экономического влияния. На рубеже 1910—1920-х годов эти задачи были почти реше-

В «длинные 50-е» XIX века сложились наднациональные структуры, которые стали использовать тайные общества прошлого или создавать новые организации – англосаксонские политические клубы и другие структуры англо-американского истеблишмента.

ны, однако команда Сталина и те, которые стояли за ней, сумели поломать игру мировых глобалистов – левых и правых, – свернуть проект «мировая революция» и начать восстанавливать империю не на «белой» или «трёхцветной», не на самодержавно-капиталистической, а на «красной», антикапиталистической основе.

Второй – 1930–1980-е годы. Борьба против СССР не столько как объекта экономических вожелений и не только как геополитического противника, но и как альтернативной капитализму модели социального, исторического развития и как конкурента на мировом рынке (по признанию Маргарет Тэтчер, даже в 1980-е годы!).

Третий – с 1990-х годов – возвращение к типу борьбы 1880–1920-х годов: Россия – объект установления контроля над её ресурсами (задача – как минимум, де-факто раздел страны на сферы влияния) и геополитический противник в зоне бывшего СССР и небольшого числа регионов мира. В конце 1980-х годов у западных вершук получило то, что не вышло в первой четверти XX века. Однако разрушение СССР – это лишь первый шаг на пути экспроприации русских ресурсов и пространств. Следующий шаг – установление над ними контроля со стороны мирового сообщества. Разговоры о том, что Россия несправедливо владеет такими богатствами в одиночку, начались не в 1980–1990-е годы, а столетием раньше. В 1884 году на конференции в Берлине западные державы приняли решение: те страны, которые сами не могут освоить свои ресурсы или делают это слишком медленно, должны «открыться миру», а если они не хотят сделать это по доброй воле, то их нужно принудить к такому шагу. Формально было заявлено, что речь идёт об Африке, но Африку не надо было «открывать» – её уже и так «открыли» без всяких специальных решений. На самом деле то была «чёрная метка» России. Однако Александр III продемонстрировал выдержку и не испугался. Тогда западный капитал пошёл другим путём. С помощью своей агентуры влияния (прежде всего Сергея Витте, связанного с Ротшильдами и другими представителями еврейского, британского и французского капиталов) ему удалось посадить Россию на финансовую иглу, стремительно ускорить рост её финансовой зависимости от международного капитала, жёстко пристегнув к французским, а затем к британским внешнеполитиче-

ским интересам. Ресурсы России начали постепенно переходить в руки иностранного капитала, а страна — превращаться в сырьевой придаток Запада, проигрывая ему и политически.

Политический проигрыш России Западу в конце XIX — начале XX веков связан далеко не только с экономикой. Прежде всего и главным образом Россия проиграла в схватке элит, точнее, в организации правящих групп. У неё не было такого оргоруужия мирового уровня, как у западноевропейских (с подключением американцев в начале XX века) правящих элит, оргоруужия, способного влиять на мировые процессы и направлять их.

В «длинные 50-е» XIX века европейская мир-система превратилась в мировую систему. Это привело к серьёзным сдвигам в организации господствующих групп. За несколько десятилетий они создали мощные наднациональные структуры мирового согласования и управления. То есть, по сути, оформились в виде принципиально нового субъекта исторического развития. Субъект этот, опиравшийся на финансово-экономическую мощь крупнейших западных банков (сначала ротшильдовских), политическую мощь государств и контроль над СМИ, не афишировал свои действия, работал в тени, используя закрытые и тайные общества прошлого (масонство) или создавая со временем принципиально новые организации — англосаксонские политические клубы, такие организации, как «Группа» («Мы») Родса, другие структуры англо-американского истеблишмента. Собственно всю реальную (то есть не для профанов) историю последних полутора столетий нужно переписывать под углом и с точки зрения

деятельности именно этого субъекта, его политэкономии, социологии.

В первую треть XX века эти закрытые наднациональные структуры, ранее и так уже существенно влиявшие на правительства отдельных стран, на государства и их политику, сумели подмять под себя структуры государственного уровня, став над ними (вехи: создание Федеральной резервной системы в 1913 году, рукотворная Великая депрессия 1929–1933 годов). Соотношение сил в симбиозе «наднациональные структуры (“закулиса”) — государство» стало существенно меняться в пользу первых. И хотя форма капитала, возникшая в 1920-е годы, получила название «государственно-монополистический капитал», не надо питать иллюзий: определяющую роль играли наднациональные объединения, где первой скрипкой были старая аристократия, финансисты и крупные промышленники. Причём тенденция эта по ходу XX века усиливалась. Но уже на рубеже XIX–XX веков наднациональные структуры мирового управления были достаточно сильными, чтобы вести мир к войне мирового масштаба, в чём их интересы совпадали с геополитическими и экономическими интересами Великобритании, а точнее — Британской империи. Общим интересом было сокрушение Германии как мирового экономического конкурента и раздел России. Средство — мировая война, в которой предполагалось сравить Германию и Россию. Таким образом, если главной ресурсной мишенью была Россия, то главной политико-экономической — Германия. Причём политический аспект исходно был связан главным образом не с государством Второй рейх, а с немецкими тайными обществами — ложами и собственно немецкими закрытыми организациями типа

Geheime Deutschland («Тайная Германия»).

VI

С середины XVIII века немецкие ложи развивались в тесном контакте — и если не под контролем, то под руководством — британских континентальных лож (не путать с островными). Как заметил Рауль де Ренн, островные ложи воспитывают своих членов в патристическом, традиционалистском, национальном духе. Континентальные британские ложи ориентируют входящих в них лиц на борьбу с традицией ради либеральных и общечеловеческих ценностей. Деятельность островных лож имеет значительно более секретный характер, хотя на высшем уровне ложами обоих типов могут руководить одни и те же лица. В течение столетия шёл процесс укрепления немецких лож под британским зонтиком, британцы поощряли собирание немецких земель пруссаками, надеясь создать в Европе сильный противовес Франции и России (как это было с Фридрихом II во времена Семилетней войны 1756–1763 годов), контролируемый по линии лож. Французские «братья», тоже руководимые континентальными ложами, активно способствовали поражению Франции во франко-прусской войне и триумфу немецких «братьев». Однако после победы немцы резко поменяли правила игры. **Во-первых**, они, по сути, разорвали связи с британскими континентальными ложами. **Во-вторых**, объединили почти все немецкие ложи в единый общегосударственный союз («Тайная Германия»), охватывавший всю страну. Таким образом, немцы создали одновременно и государственность (Второй рейх), и закрытую (тайную) организацию, ориентированную на мировое управление. Второе, бо-

лее важное, упускается из вида, хотя то был прямой вызов британским континентальным, а самое главное — островным ломам.

Британский ответ не замедлил себя ждать. Уже в конце «бисмарковского десятилетия», в 1888 году, было принято решение создать антигерманский блок в Европе из России и Франции, используя последнюю как приманку для России, а затем, столкнув Германию и Россию, уничтожить их обеих. В подготовке франко-русского союза в британских интересах значительную роль сыграл Ватикан, сильно задолжавший Ротшильдам. Усложнение мировой ситуации — германский вызов и подготовка англосаксов к решению русского вопроса, а также ослабление гегемонии Великобритании —

ложи Англии, был опубликован памфлет «Сон кайзера», а к нему приложена карта. Вместо Второго рейха на карте — «Германские республики», вместо Австро-Венгрии — «Австрийские республики», ря-

дом — «Польская республика», а на месте Российской империи — «Русская пустыня». Всё это, говорилось в памфлете, — результат револю-

позволило России, несмотря на две тяжелейшие «германские» войны, играть на внутризавпадных противоречиях, в значительной степени сковывало англосаксов в отношении России (равно как и американо-британское соперничество 1920—1940-х годов). После

1945 года ситуация изменилась. Советскому Союзу

противостоял единый Запад с его наднациональными структурами мирового управления — у СССР таких не было. В то время Запад развивал свои наднациональные структуры и создавал новые, адаптируясь к менявшемуся миру и ставя задачу «задушить СССР

в объятиях» (стратегия Трёхсторонней комиссии). После сталинская советская верхушка (в отличие от Сталина, понимавшего, кто реально противостоит ему под маской «Запада») не отдавала себе отчёт в том, какого типа субъект ведёт борьбу против СССР, совершенствуя формы своей организации и методы борьбы, каждый раз опережая советского оппонента, как минимум, на шаг. Именно наличие этого мирового субъекта помогло государству США, проигравшему в конце 1960-х годов экономическую игру СССР, не рухнуть в 1970-е («худшее десятилетие американской истории»). А в конце 1980-х годов позволило не только выстоять, но и обрушить СССР путём создания в нём экономически заинтересованного в ликвидации системного антикапитализма слоя — советского сегмента мировой корпоратократии. Разрушение СССР, в виде которого существовала истори-

В первую треть XX века закрытые наднациональные структуры сумели подмять под себя структуры государственного уровня. Соотношение сил в симбиозе «наднациональные структуры (“закулиса”) — государство» стало меняться в пользу первых.

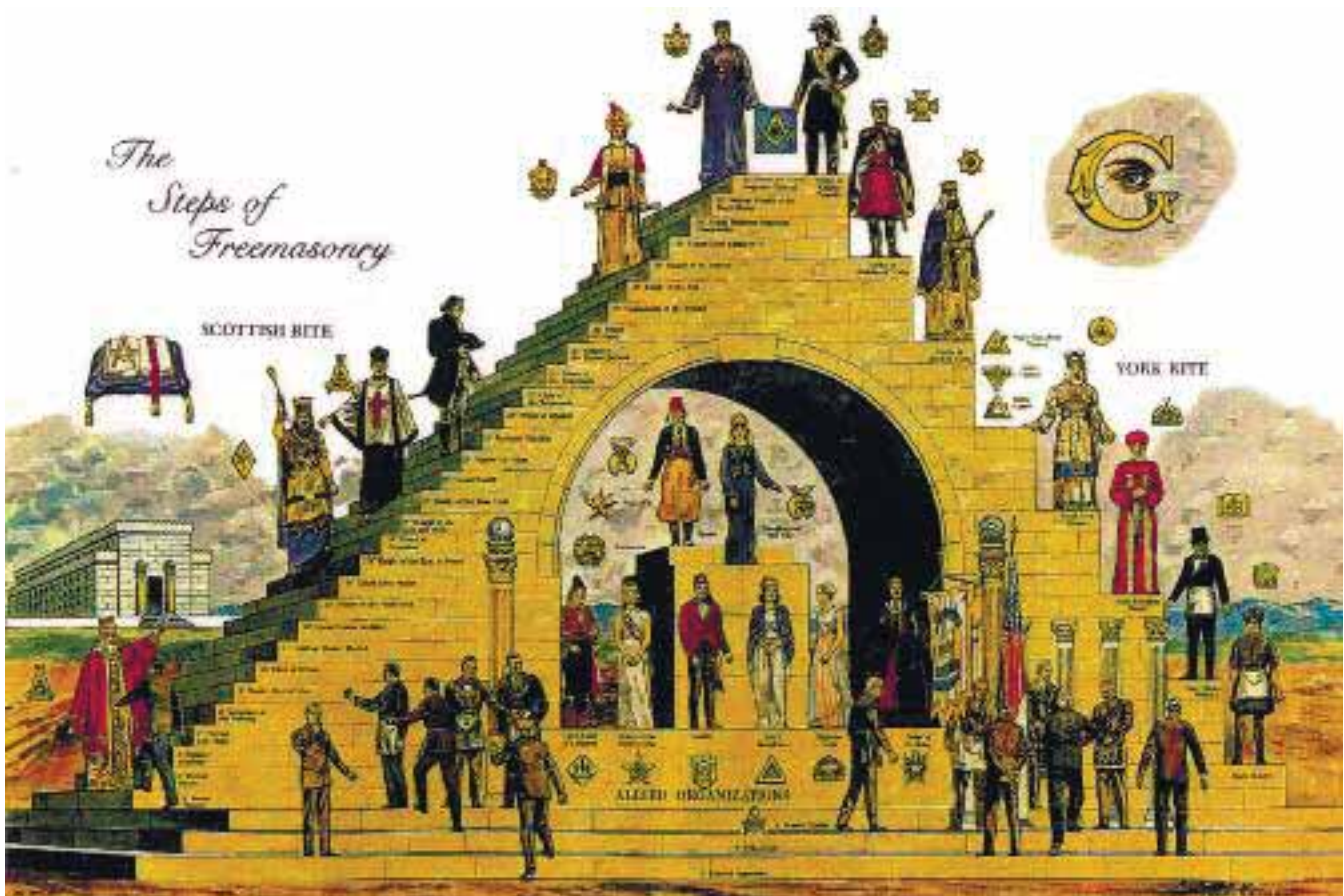
завершило второй этап развития закрытых обществ (1780—1870-е годы, первый — середина XVII века — 1780-е годы). Для борьбы против Германии и России потребовались новые структуры подобного типа.

В самом конце 1890 года по Германии был нанесён первый психоисторический удар: на страницах журнала The Truth («Правда»), который принадлежал Генри Лябушеру, британскому государственно-му и политическому деятелю, члену Великой масонской

ции в Германии. Сброшенный с трона Вильгельм едет поездом в Великобританию, его последний приют — рабочий дом.

По сути, памфлет и карта излагали некий план, который, оказавшись самосбывающимся прогнозом, в 1914—1918 годах реализовался полностью для Германии и Австро-Венгрии и начал реализовываться для России, пока Сталин не поломал эту схему.

По иронии истории, наличие немецкого фактора в мировой тайной и явной политике

ческая Россия, перевернуло страницу борьбы Запада с русской альтернативой мирового развития — антикапитализмом — и повернуло верхушки Запада к решению задачи собственными силами демонтировать капитализм у себя дома и установить непосредственный контроль над русским пространством, над ресурсами России, учинить раздел последней. Правда, сегодня этому препятствует Китай, который, опять-таки по иронии истории, набрал мощь, воспользовавшись противоборством СССР и США и предложив последним в 1970-е годы стать их «мастерской». Тем не менее в целом ситуация рубежа XX—XXI веков типологически вернулась к ситуации рубежа XIX—XX веков. Впрочем, возникло одно очень серьёзное обстоятельство, которого не было сто лет назад и которое в корне меняет ситуацию — российскую и мировую.

Как заметил Рауль де Ренн, островные ложи воспитывают своих членов в патриотическом, традиционалистском духе. Континентальные британские ложи ориентируют входящих в них лиц на борьбу с традицией ради либеральных и общечеловеческих ценностей.

VII

Я имею в виду взаимоналожение, нахлест сразу нескольких волн кризисов, главные из которых — системный кризис капитализма и надвигающийся геоклиматический кризис. Специалисты единодушно утверждают, что в условиях геоклиматического кризиса и в послекризисном мире единственной стабильной и ресурсообеспеченной зоной будет Северная Евразия, то есть Россия, которая таким образом становится главным «призом» XXI века. Желających получить этот приз хватает. Среди них американцы, европейцы, арабы, китайцы, японцы, да и жителей Индии со счетов сбрасывать не стоит. При этом надо учесть слабость России. А как гласит

поговорка американского спецназа, если ты выглядишь как еда, тебя рано или поздно сожрут. Силами того же американского спецназа. И в начале XXI века такое делается почти уже без всякой маскировки. Это видно и по высказываниям политиков, и по направлению исследований крупнейших англо-американских научных структур, традиционно играющих значительную роль в интеллектуальном обеспечении мирового управления. В конце 2011 года Институт Брукинса и Лондонская школа экономики завершили трёхлетнюю работу над «Проектом внутреннего перемещения» — исследованием возможностей массового переселения населения североатлантической зоны

Папа Лев XIII

В 1888 году было принято решение создать антигерманский блок в Европе из России и Франции, а затем, столкнув Германию и Россию, уничтожить их обеих. В подготовке франко-русского союза значительную роль сыграл Ватикан, сильно задолжавший Ротшильдам.

в более спокойные регионы в связи с изменением климата. В рамках проекта был проведён киберсеминар: «Приготовление к перемещению и переселению, связанным с большой климатической миграцией, и проекты адаптации». И это только открытые проект и семинар.

Контроль над русскими богатствами позволит североатлантическим элитам, демон-

тирующим капитализм, продлить своё господство (за счёт освоения-проедания ресурсов Северной Евразии) на сотню лет, если не более. По сути, битва за Евразию — последняя Большая Охота эпохи капитализма — уже началась: по логике не прямых действий — не в Северной Евразии, но неподалёку, на Ближнем Востоке. При этом североатлантисты, как они это обычно делают,

попытаются решить сразу несколько задач — фрагментировать Большой Ближний Восток на несколько десятков государств, канализировать энергию исламизма против России и КНР. Последнее позволит лишить арабский мир внутренней экономической и демографической силы, а затем превратить в неотредактированное гетто, не имеющее ресурсов и технологий.

VIII

Что делать в такой ситуации? Какие тенденции и варианты мирового развития использовать? Таких макротенденций две.

Первая — глобализация, про которую нам твердят, что она якобы неизбежна, объективна, веление времени. Что объективна — да, в том смысле, что выражает определённые классовые интересы. Остальное — ложь. Глобализация — рукотворный процесс, его цель — установление контроля определённых сил над миром, предварительно зачищенным и унифицированным для такого господства. Генри Киссинджер откровенно заявил, что глобализация — это новый термин (вместо империализма) для обозначения американского господства.

Глобализация — это хорошо контролируемое из нескольких центров Северной Атлантики и, возможно, Восточной Пацифики пространство, где стёрты цивилизационные, национальные и культурно-исторические различия, где чётко закреплены монополия на высокую технологию, информацию и ресурсы одних зон и групп и на сырьевую специализацию и бедность — других, где верхи и низы отличаются друг от друга почти что как биологические виды (внешность, рост, здоровье, продолжительность жизни). Но чтобы стать глобалитарным и соответствовать замыслам его кон-

структоров, современный мир должен претерпеть серьёзные изменения — прежде всего численность его населения должна сократиться на 80–90 процентов (по сути, эта задача уже и не скрывается, под ней подписались ООН и другие международные организации). Как этого планируют достигнуть — другой вопрос. Средств много — от ГМО и других генетических «штучек» и новейших бактерий (типа тех, которые использовали в Мексиканском заливе якобы для уничтожения разлившейся нефти) до вполне традиционных способов — войн (в том числе новых религиозных войн с использованием, например, исламистов), голода, нового переселения народов. Важно то, что глобалитарный мир — это мир, который планируют подвергнуть зачистке, а его население — селективной принудительной выбраковке. Россия и русские — среди тех, которым глобализация ничего хорошего не сулит. **Вторая** макротенденция — де-

Послесталинская советская верхушка не отдавала себе отчёт в том, какого типа субъект ведёт борьбу против СССР, совершенствуя формы своей организации и методы борьбы, каждый раз опережая советского оппонента, как минимум, на шаг.

глобализация, распад единого мира на макрорегиональные блоки. Если глобализация предполагает сохранение неолиберального курса в британском стиле и медленный демонтаж капитализма, то распад мира на макрорегиональные блоки означает торжество антилиберального курса в экономике (да и в политике тоже), ускоренный демонтаж капитализма и конструирование новой социальной системы. Такая система будет основана на контроле над информацией, и в ней системообразующую роль станет играть присвоение интеллектуальной рабочей силы, интеллектуального продукта (о контроле над поведением и ресурсами я уже не говорю). Одновременно развиваются обе тенденции — глобализация (главным образом инерционная) и деглобализация, кото-

рая набирает силу. Переплетаясь, глобализация и её антипод порождают сложные, порой странные и уродливые формы, затрудняющие не только понимание, но даже описание и восприятие реальности.

Распад глобальной системы уже наметился; уже возникли очертания макрорегиональных блоков, за некоторыми из которых — об этом уже пишут в прессе — угадываются прежние империи: Германская (варианты: империя Карла Великого, Священная Римская империя, Третий рейх), Британская, Османская. Неоимперские очертания приобретают США и КНР. За этими образованиями, вполне возможно, скрываются намного более древние, чем империи, организации — орденового типа. Ясно, что распад единого мира не будет мирным — на земле

Глобализация – рукотворный процесс, его цель – установление контроля определённых сил над миром. Генри Киссинджер откровенно заявил, что глобализация – это новый термин (вместо империализма) для обозначения американского господства.

слишком мало ресурсов и слишком много противоречий. Ясно также, что независимо от того, какой вариант «краткой истории будущего» (Жак Аттали) победит – глобально-либеральный или деглобально-антилиберальный, – природа, форма организации и стиль управления нового правящего слоя станут качественно иными. Да и социальная система будет отличаться от нынешней. При этом оба вари-

анта предполагают серьёзное сокращение численности населения планеты. В борьбе за ресурсы слабых будут беспощадно стирать Ластиком Истории – физически.

Как выжить (программа-минимум) и победить (программа-максимум) в рушащемся мире? Как противостоять тем, в чьих руках власть, собственность, информация и многовековой опыт успешных мировых игр и мирового управле-

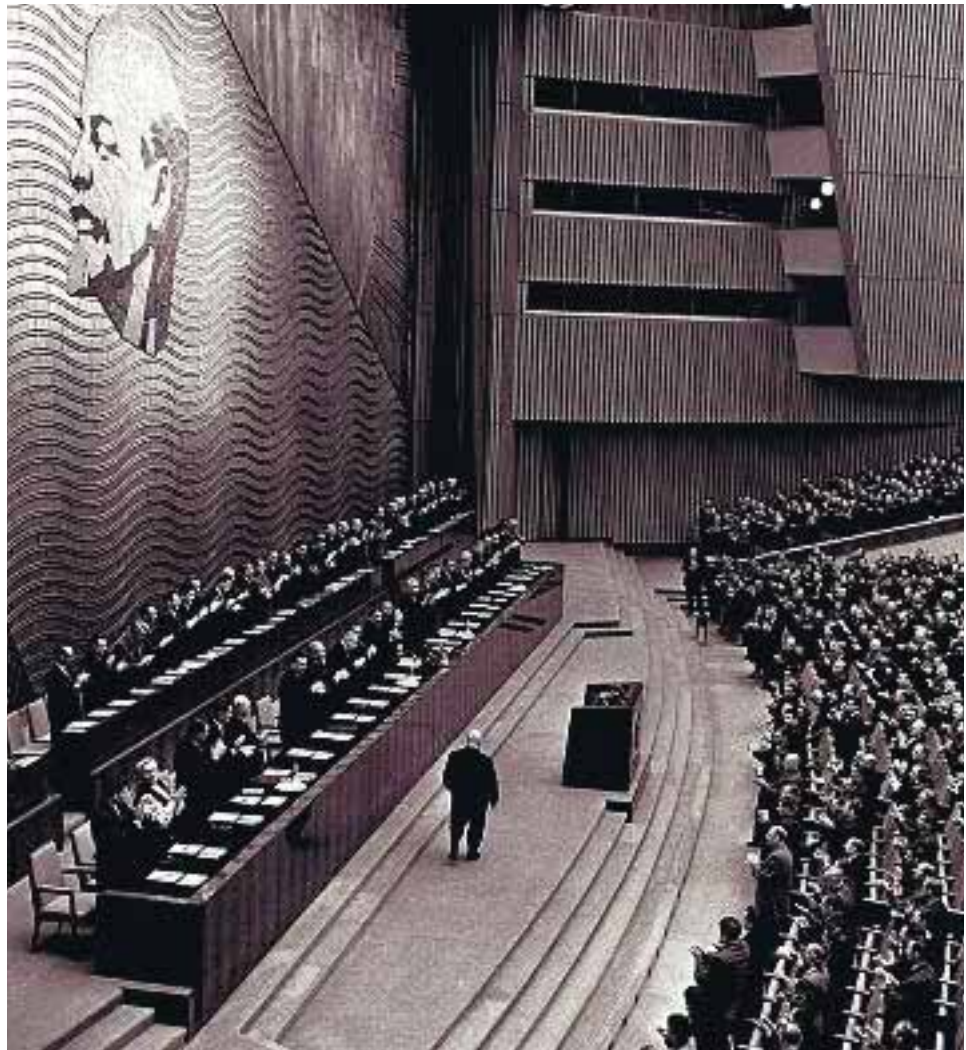
ния, то есть мощное оргоружие? Оргоружие можно противопоставить только оргоружие – более совершенное. А ещё для этого необходима адекватная властно-организационная (в XX веке говорили: государственно-политическая) форма.

Форма, о которой идёт речь, с одной стороны, должна иметь потенциал сопротивления глобализации, остановив её у своих ворот, а затем повернув вспять и не позволив волнам глобалитарного «прогресса» сомкнуться над ней. С другой стороны, ей надлежит умело противостоять макрорегиональным блокам, на которые раскалывается мир, используя их в качестве союзников в противостоянии глобалистам. Такой формой, к сожалению, не может быть национальное государство. Оно в значительной степени сознательно подорвано глобализацией и глобалистами. Кроме того, национальное государство, существующее 100–150 лет, породило ряд противоречий, решить которые оно в нынешних условиях не может. Наконец, в современном мире нормально функционировать, быть экономически самостоятельным способно только такое государство, численность населения которого не менее 250–350 миллионов человек. Национальных государств с таким населением очень немного. К тому же одни из них плохо обеспечены ресурсами, другие уязвимы в военном отношении, третьи представляют собой скорее совокупность административных и этнополитических единиц, чем единое государственное целое. Эпоха национальных государств заканчивается – а, по сути, уже закончилась. Необходимо нечто большее, чем национальное государство, но нечто меньшее, чем глобумир. Этой средней величиной может быть только макрорегион, на

совокупность которых уже распадается так до конца и не оформившаяся глобальная система — и это та тенденция, которую нужно оседлать.

IX

Новой формой, о которой идёт речь, представляется импероподобное образование (ИПО), каким может стать Евразийский союз — разумеется, если его строить всерьёз, ответственно и с долгосрочными целями, а не для распила бабла и создания благоприятных условий для «своих» олигархов. Главное — не пугаться первой части словосочетания — «имперо», слова «империя». Речь не идёт о реставрации империи или чего-то типа СССР — реставрировать в истории ничего нельзя, да и время империй прошло. Необходимо унитарное наднациональное образование, комбинирующее вертикально-иерархические и сетевые принципы организации и являющееся суперконцерном и супергосударством одновременно. Ядром ИПО — точнее, внешним контуром ядра — должны стать ВПК, армия, спецслужбы и претерпевший кардинальные изменения научный комплекс. Впрочем, кардинальным изменениям подлежат и сами ВПК, армия и спецслужбы — в их нынешнем состоянии они едва ли способны ответить на вызовы современности. Это касается армий и спецслужб во всём мире. Неслучайно в наиболее развитых странах начались реформы армии (в сторону усиления спецназа) и спецслужб (ориентация на борьбу с сетевыми структурами). Ну и, разумеется, требуется принципиально новое знание о мире и человеке — с новыми дисциплинами и формами организации. В XXI веке выиграет тот, кому удастся создать такие формы. Мощнейшим психоисторическим оружием в мировой борьбе за власть, информа-

Советский Союз проиграл прежде всего потому, что у советской элиты не было высококачественной собственной организации (нео)орденского типа, часть элиты с определённого момента стала пытаться встраиваться в чужие структуры и искать себе хозяев там.

цию и ресурсы была и остаётся реальная картина мира. Проблема, однако, в том, что сегодня ни наука об обществе и человеке в том виде, в котором она сформировалась в XX веке (дисциплины, методы, понятия), ни спецслужбы в том виде, в котором они развивались в XX веке, не дают адекватной картины мира. Аналитические подразделения спецслужб не готовы к работе с огромным массивом открытой информации, которая сегодня часто намного важнее иных секретных сведений. Не занимаются они и

анализом долгосрочных массовых процессов, регулярно-стей и законов истории, без чего невозможны анализ современных процессов и прогнозирование будущих. Впрочем, всё меньше занимается таким анализом — а потому всё более детеоретизируется — обществоведческое знание, ориентированное на те источники, которые подсовываются ему под нос. Практически неспособное включить в исследовательское поле массив косвенных данных, оно ограничивается уровнем явлений (не сущностей), не говоря уже

В конце 1940-х – самом начале 1950-х годов Сталин, опираясь на личную разведку и потенциал СССР, сделал попытку вступить в мировую игру в качестве совершенно самостоятельной силы. Это стало одной из причин убийства вождя.

о скрытой реальности. Необходим новый тип знания, новый (по подготовке) тип его персонификатора (а следовательно, новый тип образования), новая форма организации рационального знания. Я называю это знание и его формы когнитивно-разведывательными, или когнитивно-аналитическими. Цель такого знания и его структур —

не только процесс познания, но и обеспечение когнитивной, концептуальной безопасности общества. Когнитивно-аналитические структуры должны тесно взаимодействовать с тем, что условно можно назвать «службой имперской безопасности». Но это всё — внешний контур ИПО. Внутренним контуром, внутренним ядром должна стать

структура неоорденского типа, комбинирующая вертикально-иерархические и сетевые принципы и ориентированная на деятельность на мировом уровне управления. Без наличия таких структур нечего садиться за мировой картонный стол — опыт СССР продемонстрировал это со всей очевидностью. Советский Союз проиграл прежде всего не по экономическим или военным причинам, а потому, что у советской элиты не было высококачественной собственной самоцентричной организации (нео)орденского типа, вследствие чего часть элиты с определённого момента начала предпринимать попытки встраиваться в чужие структуры и искать себе хозяев там — напрасно, чужаков в такие структуры не берут. В отличие от Запада, в истории России по сути не было организаций, направлявших ход мирового исторического развития. Исключения — Коминтерн, который был в большей степени международной левоглобалистской, а не российской организацией, и «красная империя» Сталина, просуществовавшая очень короткий исторический отрезок, да и то большей частью находившаяся в состоянии обороны — впрочем, активной и весьма успешной.

Нужно сказать, что в русской истории вообще нет традиции создания закрытых структур орденского типа. Единственной попыткой такого рода была оболганная врагами России и просто недоумками от науки опричнина. Роль и значение этой организации в нашей истории ещё предстоит осмыслить — равно как партии большевиков (в строгом смысле слова) и личной разведки Сталина. Просуществовав всего 7 лет и превратившись в Государев двор, опричнина не стала орденом, но тем не менее создала один из важнейших

принципов русской власти, если не самый важный — опричный, противостоящий олигархическому и нейтрализующий его (прежде всего метафизически — ну, а когда надо, то и не только «мета»). Полагаю, только введение чего-то похожего на неоопричнину является необходимым для создания и неоордена, и ИПО — принцип надо материализовать, оструктурировать. Только структуры неоопричного типа, действующие строго в соответствии с законом, способны задавить коррупцию и криминал, решить проблему «пятой колонны», обеспечить возврат социума к системному самоограничению, которое определяется уровнем и объёмом создаваемого общественного продукта. Кто-то скажет: да как же это практически возможно? Можно ли вообще ожидать такое, учитывая сегодняшние реалии? А кто, отвечу я вопросом на вопрос, в начале 1560-х годов ожидал, что Иван IV введёт опричнину, обернётся грозным — Грозным! — царём и обрушится на часть правящей элиты? Кто в 1920-е годы ожидал, что Сталин, используя опричный принцип, устранил ленинскую и троцкистскую команды, обрушится на гвардейцев кардиналов мировой революции и остановит процесс разложения поеденных нэпом властных органов? Почему они это сделали, безумно рискуя и балансируя на лезвии бритвы — исторической? Жизнь заставила. Логика обстоятельств, которая, как отмечал тот же Сталин, сильнее логики намерений. А обстоятельства были простые: растратенное наследие предыдущей эпохи и необходимость делать выбор — за счёт кого совершать рывок в будущее. Отсюда — раскол элиты, опричнина и т.п. И если неоопричнине суждено родиться, она тоже возникнет из и посредством раскола господ-

ствующих групп на фоне исчерпания советского наследия в условиях волнового резонанса русского и мирового кризисов.

Время партий и государств уходит безвозвратно, если уже не ушло. Впрочем, и в период своего расцвета и те и другие, как правило, были лишь функциями, орудиями или просто фасадами закрытых структур — лож, клубов, обществ и т.п. В наступающей эпохе ширмы и фасады уже не столь необходимы, как прежде, маски всё чаще сбрасываются, на арену выходят те, которые раньше были в тени. Однако сколь бы явным ни было присутствие новых и старых закрытых обществ в мире XXI века, им всё равно понадобится внешняя форма. И наиболее вероятной формой такого рода на весь кризисный период XXI века, по-видимому, станет ИПО.

В то же время усложнившаяся реальность, требования новой эпохи, исключительно высокие ставки Мировой Игры диктуют необходимость формирования нового типа закрытых структур мирового управления — начинается новый этап в их развитии. Помимо прочего, он потребует от неоорденских структур резкого усиления их участия в войнах смыслов и за смыслы, в создании новых смысловых конструкций взамен ушедших или уходящих — идеологий, религий, проектов. Неоорденские структуры должны будут создавать свои традиции, а возможно, и новые цивилизации. Но это уже за пределами кризисного XXI века, это ближе к «полдню XXII века» — совсем дальняя перспектива. Сначала надо пережить кризис и выйти из него победителем или одними из победителей. Разумеется, попытка создания неоорденских структур — штука небезопасная. Это означает прямой конфликт с нынешними «хозяевами исто-

рии», как их называл Бенджамин Дизраэли, не понаслышке знавший то, о чём говорил. Выше уже упоминалось о том, как британские лорды и клубы наказали немцев за их попытку создать закрытые структуры мирового управления. В русской истории в конце 1940-х — самом начале 1950-х годов Сталин, опираясь на личную разведку и потенциал СССР, сделал попытку вступить в мировую игру в качестве совершенно самостоятельной силы (курс на подрыв доллара, заявка на создание альтернативного мирового рынка). Не сомневаюсь, что это стало одной из причин убийства вождя: в самом конце 1940-х годов в рамках «Лиотэ» — бессрочной программы борьбы против Советского Союза — МИ-6 и ЦРУ создали группу *How to make Stalin's passing* — «Как «уйти» Сталина».

После смерти Сталина заявку на самостоятельную мировую игру попытался сделать опиравшийся на свой спецкомитет Берия (курс на воссоединение двух Германий, некоторые другие мероприятия). Его судьба тоже известна — полагаю, и она связана не только с внутренней борьбой за власть. В соответствии с цикличкой мировой истории РФ вместе с миром вступает в военную эпоху, в эпоху войн нового типа — не мировых, не глобальных (как и холодная война), а всемирно-точечных, очаговых. Главный приз этих войн — Северная Евразия, Россия: ресурсы, пространство, но без людей. То есть без нас. И ещё начинается эпоха, которая внешне выглядит как возвращение в далёкое прошлое, но на современной технической основе — эпоха футуроархаики с неоимпериями, неоорденами и многим другим, «что и не снилось нашим мудрецам». Грядёт Очень Серьёзная Игра — на вылет из Истории.

Сыграем? ♣